

КОНЦЕПТ «ЛИТВИНЫ» В ЭТНОКУЛЬТУРНОМ САМОСОЗНАНИИ БЕЛОРУСОВ

СВИДЕТЕЛЬСТВА ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ XIV–XVII ВЕКОВ

Любовь ЛЕВШУН,
кандидат
филологических наук

Некоторые из современных белорусов отождествляют себя с потомками «древних литвинов» (отличая их от литовцев) и представляют современную белорусскую нацию прямой наследницей «литвинского этноса». Однако по отношению к культуре восточнославянского средневековья и раннего Нового времени понятия «литвин» и «литвинский этнос» весьма многозначны.

Вот что пишет по этому поводу Г.Я. Голенченко (перевод с белорусского наш. – Л.Л.): «Понятие «литвин» толкуется как эндоэтноним обычно без учета (или с частичным учетом) полисемии этого термина, который в разном смысле встречается в письменных памятниках средневековой Беларуси <...> Использование названий «литвин» или «белорусец» как основных эндоэтнонимов белорусского населения (или его определенной части) в XIV–XVI вв. <...> не имеет под собой твердой основы» [1, с. 46]. Исследователь различает, в частности, восемь значений понятия «литвин» в аутентичных исторических источниках. Наиболее распространенные из них: определение гражданства, то есть государственной принадлежности «русинов», литовцев и представителей других народов к Великому княжеству Литовскому; обозначение жителей «Литовской земли», то есть Трокского и Виленского воеводств независимо от их этнического обличья (политико-территориальный термин); название собственно литовского этноса (преимущественно на территории Аукштайтии); название литовского этноса в более широких территориальных границах, в том числе литовцев, что проживали на Подляшье и западных землях современной Беларуси [1, с. 46].

Обращение, наряду с историческими источниками, и к памятникам книжной культуры ВКЛ дает картину еще более сложную и более интересную в культурологическом плане. Изучая конфессионально-культурную историю Великого княжества Литовского, в которой сформировались принципы и алгоритмы развития современной белорусской нации, нельзя не учитывать этой многозначности.

«ЛИТВИНЫ»/«ЛИТВА» КАК ПОЛИТОНИМЫ

Прежде всего, на что справедливо указал Г.Я. Голенченко, следует различать омонимичные понятия: «литвин» как политоним, обозначающий гражданина Великого княжества Литовского независимо от этнической и/или конфессиональной принадлежности, и «литвин» как полисемантический этноним сложного и непостоянного состава, отличный от этнонимов «русин», «литовец»/«летувис» и «поляк»/«лях» [1, с. 46].

В первом значении (как политоним) термин «литвин» в реалиях ВКЛ является родовым по отношению к целому ряду видовых наименований-этнонимов: среди «литвинов» (жителей и граждан ВКЛ) встречаются жемайты, аукштайты, русины, ляхи, татары, евреи и другие. К примеру, в постановлении Люблинского сейма 1569 года читаем: «С согласия обоих советов, польского и литовского <...> как поляк в Литве, так литовец в Польше вольны приобретать <...> имения» [2, с. 82, 85]. В Баркулабовской летописи говорится, что «господарь король Стефан Батура <...> под князем великим Московским <...> Иваном Василевичом, Полтеск замок взял с поляцми и литвою» [3, л. 139]. А на сейме 1587 года, когда по смерти Сте-

фана Батория выбирали польского короля, «поляки вотовали на Максимилиана, цесаря христианского, литва вотовала на князя московского» [3, л. 143]. Под 1593 годом в той же летописи: «Пан маршалок теж наш усказал до пана канцлера, иж есте, панове литва, страгили, – тым преводим не мало панства до Полски» [3, л. 150]. Под 1600 годом: «Панове волынские, панове литовские, также козаки запорожские, змовившися и знявшися вси вкупе, волохи отгамовали» [3, л. 161 об.]. В Киевской летописи первой четверти XVII века под 1514 годом значится: «Жикгимонт, крол полский, немалое войско выправивши так з Литвы, як и с Полци, до Вифлянт послал» [4, л. 664 об.]. Там же под 1579 годом: «Полоцско взял Стефан корол с поляки и з литвою»; под 1527 годом: «Князь Константин из иншими панами литовскими побил татар за Киевом» [4, л. 669]. Как политонимы использованы термины «Литва» и «литвины» в «Rozmow'e Polaka z Litwinem» (после 1564) виленского войта Августа Ротундуса. На этом же основании «школяры» – выходцы из ВКЛ, обучавшиеся в зарубежных университетах, неизменно определялись в официальных университетских матрикулах как «литвины».

Именно в значении политонима употребляются термины «литвин», «литва» в письменной культуре Московского государства в XIV–XVII веках. Причем в этих памятниках «литвины» (жители и граждане ВКЛ) подчас отождествлялись, особенно после Люблинской унии 1569 года, с поляками (жителями и гражданами Короны Польской). Например, в изображении автора «Казанской истории» московского государя встречают «кушцы иноязычныя: турцы и армены, и немцы, и литва» [5, с. 547]. Авраамий Палицын в Сказании об осаде Троице-Сергиева монастыря не всегда различает термины «литва» и «поляки», а порой употребляет их как полные синонимы, адекватно замещающие друг друга. Так, например, он пишет «О совете вора (Лжедмитрия. – Л.Л.) с литвою, еже разорити дом пресвятыя Троица»; но «прииде под Троецкой Сергиев монастырь литовской гетман Петр Сапега и пан Александр Лисовской с полскими и литовскими людьми и русскими изменники», «от-

ступиша от обители полские и литовские люди и русские изменники со многим срамом». И наряду с тем: «Нападоша на литовских людей нагло и мужественно»; «на том бою мнози от литовских людей видеша двою старцов, мещущих на них плиты и едином вержением многих поражающе»; «О приходе литвы на огород капусной», но: «О отписе к поляком и ко всем изменником» и тому подобное. В «Летописной книге» С.И. Шаховского сообщается: «Той ж чернец (Григорий Отрепьев. – Л.Л.) <...> дошед Литовския земля до града до Киева»; потом: «Рострига <...> нача войско велие собирати литовскаго народа и тамо жительствоующих русских людей. И <...> поиде под северский Новгород». Но в результате битвы с защитниками города «поляцы ж усты меча гоня я (московское войско. – Л.Л.)». «И от тое брани, – продолжает Шаховский, – рострига возвратися во град Путивль и нача к себе войско литовское призывати. И собра войско велие зело, устремися поити на воевод московского воинства <...> и ту составиша брань жесточайшую», в результате которой, однако, «побеждени быша поляки» [6, с. 368, 370]. Таким образом, и «поляки», и «литва» как для Авраамия Палицына, так и для С.И. Шаховского – синонимичные политонимы, обозначающие граждан Речи Посполитой. Возможно, московские авторы (впрочем, предки Палицына – но в третьем колене – были выходцами из ВКЛ), этимологизировали термин «посполитая» как своего рода сокращение определения «польско-литовская»?..

В более поздней историографии «Литва» могла отождествляться не только с ВКЛ, но и с Западной Русью, как, например, у М.О. Кояловича: «Литва, то есть Русь Западная... кинулась в объятия Польши... в Восточной России и Западной, или Литве...» [7, с. 367, 370, 372] и так далее.

«ЛИТВИНЫ»/«ЛИТВА» КАК ЭТНОНИМЫ

В глубинном, основном своем значении, эти понятия обозначают этническую и/или географическую принадлежность своего носителя: «В Афетове же части

ЛЕВШУН

Любовь Викторовна.

Родилась в Витебске. В 1988 году окончила Белорусский государственный университет имени В.И. Ленина, в 1991 году – аспирантуру по специальности «Теория литературы» при Институте мировой литературы имени А.М. Горького (Москва).

С 1992 года работает в Институте литературы имени Я. Купалы АН Беларуси, в настоящее время – старший научный сотрудник Института языка и литературы имени Якуба Коласа и Янки Купалы НАН Беларуси.

Кандидат филологических наук (1992).

Автор ряда работ по теории и истории восточнославянской средневековой книжности и истории культуры белорусских земель, в том числе одного учебного пособия и четырех монографических исследований.

Сфера научных интересов: восточнославянская медиэвистика.

седять русь, чюдь и вси языци: меря, мурома, весь... угра, литва, зимегола...» («Повесть временных лет»). «Многы страны – Хинова, Литва, Ятвязи, Деремела, и половци сулицы своя повръгоша» («Слово о полку Игореве», стихи 445–449 в разбивке Д.С. Лихачева). «Той (Сигизмунд I. – Л.Л.) немцев, як собак, не любил и ляхов з их хитростью не любил, а литву и русь нашу любително миловал» («Речь Мелешки...») [8, с. 675]. Или: «Которыи будут, литвин або лях, крещены были у Витебску в русскую веру, а хто из того роду и тепере живет, того нам не рушити, права их хрестьянского ни в чом не ломити» (из королевской грамоты Витебску 1503 года [цит. по: 9, т. 4,

Белорусские крестьяне. Фрагмент иконы начала XVII века из Минска

гл. 1, ч. 4]. В «Жалованной грамоте короля Сигизмунда II Августа феодалам православной веры» (1563) читаем, например: «Станы Руских земель <...> яко Литовского, так и Руского народу <...> люди веры христианское, яко Литва, так и Русь» [10, с. 71, 80, 81]. В «Синописе» описывается случай с князем Романом Смоленским, севшим на Киевский стол: он, по слову летописца, «Литву порази», многих литовцев в плен захватил и, по преданию, впрягал их в плуги вместо волов; «егда один литвин в плузе тягнуши научися языка руска и рече: Романе, Романе, худым живеши, Литвою ореши» [11, л. 67]. В «Истории» В.Н. Татищева: «Что же мы сделаем литвинам, которые россиян гудами зовут?.. Что ж то готами называют?» [12, с. 299].

«Литва», «литвины» в этом значении могли отождествляться с «жемайтами» и «аукштайтами» как генетически принадлежащие, хотя и в разной степени, балтскому культурному субстрату, а исторически – балтскому же региону проживания. Например, в «Жалованной грамоте великого князя Сигизмунда Кейстутовича» (1434) говорится: «Желаем наши земли Литовские и Русские упорядочить <...> чтобы между народами этих земель не было никакого раздора <...> как литовцам, так и русским» [2, № 4, с. 71]. А в Евреиновской летописи

говорится, в частности: «Шкварно взял город Пинесцы и город Туров. И возопи Русь великим плачем, иже тако люто побиты все суть от безверные Литвы» [13, л. 450 об.]. В Виленской летописи: «Князь великий Ягаило пошлеть рать свою всю литовскую и русскую <...> к Полоцку, и оступяте город» [14, л. 440]. В Супрасльской летописи под 1430 годом говорится: «Литва же посадиша великого князя Жигимонта Кесьтуевича на великое княжение на Вилни и на Троцехъ месяца сентября 1 день <...> Князи руськыи и бояре посадиша князя Швитригаила на великое княжение на Русское» [15, л. 73 об. – 74].

«ЛИТВИНЫ»/«ЛИТВА» КАК ИДЕОЛОГЕМЫ

В результате включения земель нынешней Беларуси в польско-литовско-русское государство здесь столкнулись и долго и мучительно «врастали» друг в друга культуры *Slavia orthodoxa* и *Slavia romana/latina*. Это привело в действие закон, согласно которому сочетание в одной целостности несовместимо разных этнокультурных систем обречено на гибель, поскольку внутри такого вынужденно общежития неизбежно происходит «аккомодация»/«метисация» и «растожествление» ее составляющих, исконный этноидентификационный стереотип поведения деформируется и возникает специфические идеологемы. Так, «патриотические идеи «посполитого доброго» обернулись униями и полонизацией; религиозная толерантность – наступлением контрреформаторов, бунтами и погромами; попытка разумного устройства государства – войнами на окраинах и потерей части территории; учения о человеческой свободе и достоинстве – шляхетской анархией и эгоизмом» [16, с. 726]. В этих условиях на землях Беларуси в период раннего Нового времени формировались, как видится, одновременно три существенно различные социокультурные общности, составившие уже в Новое время новый этнокультурный гибрид – сочетание несовместимо разных этнокультурных и, главное, идеологиче-

ских систем в единой исторически сложившейся целостности. Причем представители всех трех общностей, несмотря на их принципиальное, «цивилизационного» уровня, различие, именуется подчас в современной белорусской историографии одинаково – «литвинами». Продолжая исследование понятий «литвин», «Литва» в культуре ВКЛ, укажем наиболее существенные из этих отличий.

1. «...Литва квітнет русчиною». Понятие «литвин» подчас выступает в роли, в общем-то, конфессионима: им обозначается группа «метисов» балто-русского происхождения православного вероисповедания, генетически включенных (и, главное, осознающих это!) в сферу восточнославянской культуры (и шире – культуры *Slavia orthodoxa*). М. Стрыйковский, думается, именно по этому основанию в своей «Хронике польской, литовской, жмудской и всей Руси» (1582) однозначно относил «литвинов» к семье славянских народов.

В этом значении термин «литвин» воспринимался как синоним термину «русин» в его (термина «литвин») конфессионально-идентификационном – идеологемном! – значении. А в условиях средневековья и раннего Нового времени конфессиональная идентификация была в общем тождественна культурной. Польские авторы XV–XVI веков, имея в виду эту идентичность, писали: «Люд литовский, русский и московский – одна и та же Русь, одно и то же племя» [10, с. 114]. В белорусско-литовских летописях о литовском князе Кгинвиле говорится, что после крещения, «будучи ему русином, был велми набожен» [13, л. 448 об.; 17, л. 230; 18, л. 131], то есть слово «русин» употребляется летописцами в качестве идеологемы-конфессионима, а не этнонима или политонима.

В Слуцком списке Литовского Статута 1529 года (список датируется 1621 годом) сохранилось известное и весьма характерное стихотворение Яна Казимира Пашкевича:

*Польска квітнет лацною,
Литва квітнет русчиною;
Без той в Пол(ь)ще не прэбудеш,
Без сей в Литве блазном будзеш.*

*Той лацна язык дае,
Та без руси не вытравяе.
Ведзь же юж русь, аж тва хвала
По всем свете юж дойзрала.
Весели ж се ты, русине,
Тва слава никгды не згине!* [8, с. 691]

Заметим, что для представителей этой «литвы» обозначение «литвин», как правило, не было самоназванием. Сами себя они предпочитали именовать «русинами», самоидентифицируясь по «русской вере», то есть по православному исповеданию. Как писал Г.Я. Голенченко: «Политоним или территориально-политическое определение белорусов как «литвинов» в то время еще не превратилось в эндоэтноним, поскольку последним для белорусского и украинского этносов в XIV–XVI вв. (а в известной степени и позднее) оставались термины «Русь», «русские люди», «русины»... Как историко-территориальное понятие «Русь» в отмеченный период (в пределах ВКЛ после реформ 60-х гг. XVI века) охватывало территорию на восток от Минска. Как эндоэтноним этот термин распространился на весь белорусский (и восточнославянский) этнос, включая то белорусское население, что проживало в западных регионах Княжества и даже на Подляшье» [1, с. 46].

Именно из этих граждан ВКЛ, называемых в современной историографии «литвинами», начала складываться одна из трех этнокультурных общностей, которые впоследствии – уже в Новое время – составили белорусскую нацию. Основные самоидентификационные идеологемы названной общности – православное исповедание и связанное с ним (или, точнее, вытекающее из него) осознание культурно-исторического единства всей Руси и в целом всех славян региона *Slavia orthodoxa* – складывались и утверждались, развивая ее, в лоне восточно-христианской традиции.

2. «...Их слава в небо, як стрела, взносити // И на веки ся будет в людех голосити». Со временем формировалось еще одно семантическое гнездо идеологемы «литвин»: так

Костюмы шляхтичей

Сымон Будный и Василий Тяпинский. Памятник во внутреннем дворике главного корпуса БГУ в Минске

стали называться носители иного рода этнокультурного самосознания, формировавшегося в специфических условиях «цивилизационного разлома» и тех же процессов, в результате которых уже в Новое время оформились иные (отличные от «литвинов» в значении 1) основания и критерии национального самоопределения. Это был своего рода этноконфессиональный «гибрид» различного состава, так или иначе заявляющий о «самости» и исключительности его носителей, их выделенности из среды окружавших их народов.

а) «...Остатнее потомство отцов наших...». Среди «литвинов» следует различать тех, чьи предки были «русинами» (то есть православными славянами и/или балто-славянами) и кто считал родным языком «русский език» (или и «русский», и летуvisкий/литовский языки), но не исповедовал при этом ни православие, ни католицизм как искажившие истинное учение Христа, хотя вполне толерантно относился и к католикам, и к православным.

К таким «литвинам» следует относить, в частности, протестантствующих ВКЛ. Например, Сымона Будного [19, с. 17], издавшего собственного сочинения «Катехизис» (1562) «к всем благоверным христіаном языка руского». В предисловии посвящении Будный обращается ко «княжатам и панам» Радзивиллам (Николаю Радзивиллу Черному и его сыну Николаю Кристофу Радзивиллу, известному под прозвищем Сиротка): «Теперь, освецонные

а милостивые княжата, нам, остатнему потомству отцов наших <...> Отец оный всего милосердя учинити рачил, же нам оную выполненую вечную обетницу Христа Пана, которую сатана в пропасти римского и греческого Вавилона затмил <...> знову праве объяснить», и призывал не пренебрегать «славным языком словенским»: «Слушная бо речь ест, абы ваши княжацкие милости того народу язык миловати рачили, въ котором давньные предьки и их княжацкие милости панове отци ваших княжецких милости славнее преднейшие преложеньства несуть» [20, с. 25].

Василий Тяпинский издал Евангелие «народу своему рускому <...> их власным езиком руским <...> з зычливости ку моеи отчизне <...> своей Руси услугуючи». В «Предмове зацной монархии словенской...» он, в частности, отмечает: «Але дал бо то Пан, иж бы вы, каждый от себе, о зацные панове <...>, толко вы сами тому з милости ку отчизне вашей помочи бысте могли <...> тому народу вашему неуметностью заведеному и утрапеному домогаючи, митрополита вашего, владык и учителяе ваших до того прозбами вашими вели, жебы <...> слова Божего сами се учили и других <...> бы ку науце, леч не такой, яко тепер, на вечный свой встыд: толко прочести и то ледво в своем языке, не больш учатсе, – школы заложити и науку слова Божего, от так много лет занедбаную, выдвинуги братьяе вашей хотели и усиловали. Которих я не одному которому, але всем и з с тою потребою отчизны ваше, богопоинои пилности, расторопности и верности поручаю и zostавую, просечи Пана, абых был готов, если она до конца згинет, з нею згинуть; або, если через ваш ретунок будет выдвинуга, з вами и з нею выбринуть», поскольку «звляца тепер на око видим, иж везде вси речи розсудками так суть попованы, иж не может быт ничего так добре поведено, на што бы потвар не могла быт учинена» [20, с. 36].

Таким образом, этнокультурная самоидентификация этих «литвинов» проводилась по языковому и конфессиональному признакам в пределах «отчизны», под которой разумелось «остатнее потомство отцов наших», то есть уже не восточнославянская

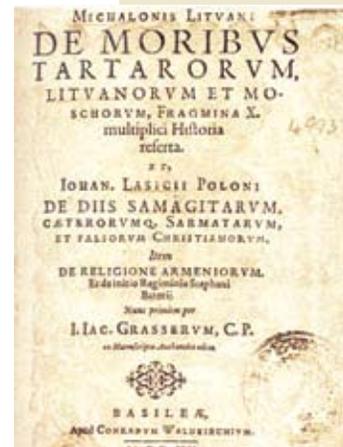
культурная общность и тем более не Slavia orthodoxa, а конкретное государственное объединение – ВКЛ и/или Речь Посполитая. Иначе говоря, такие «литвины» идентифицировали себя как истинно исповедующих Христа на «русском (и/или «словенском») языке» в своем государстве.

Принципиальная религиозная толерантность, которую отстаивали такие «литвины», считая ее естественным основанием правильного государственного устройства, не могла мириться как с агрессивной экспансивностью поляков-католиков, так и с религиозной нетерпимостью московитов-православных. Поэтому дальнейшую судьбу своей отчизны они никак не связывали ни с судьбой Короны Польской (и шире – католической Европы), ни с судьбой Московского царства (и шире – Slavia orthodoxa) [ср.: 21, с. 74–88], а предпочитали свой, особый, не схожий ни с чьим бы то ни было, путь развития.

б) «Мы, литвины, происходим от италийцев...». «Литвинами» могли именовать себя также граждане ВКЛ славянского и/или балто-славянского происхождения, которые также противопоставляли себя как «ляхам», воспринимавшимся ими отнюдь не дружественно, так и «русинам», которые ассоциировалось с «вражеской Московией». Однако противопоставление здесь имело совсем иные, не религиозные, основания. В «шляхетской республике», как известно, весьма популярным стал сформировавшийся еще собственно в Короне Польской сарматизм – основа национальной идеологии Речи Посполитой, что, несомненно, создавало условия для процессов глобальной этнокультурной аккомодации/ассимиляции, в результате которой должна была сформироваться новая – «речьпосполитская» – этнокультурная общность, в которой не было бы «ни поляка, ни литвина, ни русина», а лишь граждане Речи Посполитой – сарматы (магнаты и шляхта), мещане и хлопы (последние, впрочем, гражданами не считались). Экспансивность идеологии сарматизма, основанием которой было представление о миссионерской и в целом цивилизующей роли «польского народа», и тот факт, что вер-

ховная власть в Речи Посполитой принадлежала по преимуществу представителям этого «народа», предполагало преобладание в развивающейся новой этнокультурной общности польского сарматского элемента. Так вот, часть представителей общности, огулом называемой «литвинской», одновременно, как видится, и подражала «сарматствующим» гражданам Короны (соревнуясь с ними в служении «посполитому доброду», верности королю, защите Отечества, «стоянии в вере» и так далее), и «отрицала» их превосходство как «избранного народа». Например, Михалон Литвин (Михаил Тышкевич) в своих «исторических фрагментах», созданных вскоре после 1555 года, в характерном для данной категории «литвинов» ключе писал: «Мы, литвины, происходим от италийцев и в наших жилах течет италийская кровь. У нас – римские обычаи и обряды, у нас – собственный, наполовину латинский язык, который отличается от русинского языка» [цит. по: 19, с. 16]. Так и думается, что идеалы «литвинизма» утверждаются мемуаристом в противовес, с одной стороны, идеалам превозносимого в Короне «сарматизма», а с другой – претензиям Московии на первенство в христианском мире («Москва – третий Рим, а четвертому не бывать»).

Этнокультурная самоидентификация, как видим, осуществлялась в этой части «литвинской» общности по псевдогенетическому и псевдо-языковому признакам. Что касается конфессионального фактора, столь значимого для самоидентификации в эпоху средневековья и раннего Нового времени, то «сарматствующие литвины» были, с высокой степенью вероятности, религиозными индифферентами (хотя формально принадлежали католической церкви, поскольку имели «римские обычаи и обряды») – черта собственно гуманистическая, свойственная культуре Нового времени. Однако эти «литвины» уже во второй половине XVII века, в основном, приняли польскую

Титульный лист книги Михалона Литвина «О нравах татар, литвинов и московитов», Базель, 1615 год

региональную идентичность, то есть интегрировались в культуру *Slavia romana*, что выражалось расхожим тогда афоризмом «*Gente Lithuanus, natione Polonus*» («По роду литвин, по нации поляк». – Ред.) [21, с. 88].

в) «...Их цале улюбила Отчызна...» Наконец, «литвинами» самоназывались граждане ВКЛ «русского» и/или балторусского происхождения, принявшие греко-католичество (либо «католические индифференты»), и тоже противопоставляющие себя как «ляхам», так и «русинам»: и те, и другие воспринимались как чужие (по ассоциации с Польшей и Московией) в противовес «тутэйшым». Например, Мартин Матушевич (1714–1773) в «Диариуше моей жизни», противопоставляя Великое княжество Литовское и Польскую Корону, неоднократно пытается представить своих благодетелей Михала Казимира и Кароля Радзивиллов в

качестве образчиков древнего литвинского благородства и достоинства, самобытного и уникального. Однако этническая самоидентификация в данном случае принимает, в общем-то, мифический характер, поскольку этнический состав «тутэйшых» в ВКЛ был чрезвычайно пестрым.

«ЛИТВИНЫ», «ЛИТВИНЫ» И «ЛИТВИНЫ»...

Таким образом, так или иначе связываемая в современной историографии с наименованиями «Литва», «литвины» белорусская нация складывалась как конгломерат сразу трех этнокультурных общностей (по меньшей мере, ведь существовали и переходные типы, лишь отчасти учтенные в нашей своеобразной «классификации»), формирование которых проходило в эпоху средневековья и раннего Нового времени в условиях вынужденного сосуществования несовместимых культурных парадигм («*Lithvania pagana*», *Slavia orthodoxa* и

Slavia romana/latina) путем постепенной метисации их представителей:

а) потомки «литвинов» в значении 1) – православные (или считающие себя православными), которые отождествляют себя со всей восточнославянской общностью и шире – *Slavia orthodoxa* в целом, а потому и перспективы дальнейшего естественного развития белорусской нации и государственности видят в тесной связи с культурной судьбой всего православного славянства;

б) потомки «литвинов» в значениях 2а) и 2в), которые принципиально отказываются как от наследия *Slavia orthodoxa*, так и от наследия *Slavia romana*. Они не связывают дальнейшую судьбу белорусской нации ни с судьбой Западной Европы, ни с судьбой восточнославянского мира (в современных реалиях – выступают против вхождения Беларуси в ЕС и против ее интеграции с Россией);

с) потомки «литвинов» в значении 2б), которые представляют Беларусь как испокон веков западноевропейскую страну, изначально и всегда самобытно развивавшуюся в культурном ареале *Slavia romana/latina*, а потому и дальнейшую судьбу родины не отделяют от судьбы западноевропейской цивилизации.

Однако с культурологической точки зрения следует отметить некоторое сходство между б) и с): в обеих этих группах критерии национальной самоидентификации формируются, как мы заметили, в сфере уже гуманистической (читай: светской) идеологии, «диалектически отрицающей» принципы христианской культуротворческой традиции. Силой исторических обстоятельств интегрированные в сферу западноевропейской культурной традиции, эти «литвины» категорически отказались от культурного наследия *Slavia orthodoxa*, но не стали (не были допущены и/или не смогли стать) полноправными пользователями культуры *Slavia romana* и потому вынуждены были начинать свой культурный генезис «с нуля», то есть опираясь лишь на народное творчество автохтонов, которое являлось по сути «этнографическим реликтом» былой высокой «русинской»

На фестивале национальных культур в Гродно

(то есть все-таки православной!) культуры. А это, в свою очередь, означало неизбежное «отставание» в несколько культурных стадий как от западноевропейской культуры, так и от культур славянских народов, наследовавших многовековым традициям соответственно *Slavia romana* и *Slavia orthodoxa*.

Исторически промежуточное социокультурное положение этих двух (b и c) категорий «литвинов», как замечает Я.И. Трещенок, «порождало у них ощущение этнической ущемленности, сопровождавшееся притязаниями на главенствующее положение в Великом княжестве. Эти притязания не признавались как большинством представителей «русской веры», считавших их религиозными ренегатами, так и поляками вместе с ополяченным большинством «русской» и литовской шляхты. Они почитали их за «нечистую», «кресовую» разновидность польской католической общины... Поэтому уже в самих истоках отдельного «литвинского» этнического самосознания присутствовал элемент сектантства, сословной ограниченности и закомплексованности... К концу XIX века в этой среде возникнет белорусский национал-сепаратизм» [10, с. 113, 114].

Стремление к преобладанию (подчас угрожающее конфликтом) одной из трех рассмотренных «литвинских» этнокультурных общностей, думается, как раз и определило специфику дальнейшего национально-государственного развития белорусов. Кроме того, это новое, причем, более сложное и агрессивное сочетание в едином целом весьма различных (до несовместимости!) культурно-исторических традиций продолжает и ныне развиваться по своим законам. А это значит, что исторически обусловленное взаимодействие вынужденно сосуществующих, но в цивилизационном плане очень непохожих этнических общностей, постоянно деформирует культурные алгоритмы в каждой из них, способствует созданию поведенческих стереотипов, выгодных для индивида в ущерб социуму (как и этнической группы – в ущерб нации) и создает условия для новых кризисов и культурных катастроф... ■

ЛИТЕРАТУРА

1. Галенчанка, Г.Я. Царква, канфесія і нацыянальная свядомасць беларусаў у XV–XVI стст. / Г.Я. Галенчанка // Наш радавод. Матэрыялы Міжнароднага канфер. «Царква і культура народаў Вялікага княства Літоўскага і Беларусі XIII – пач. XX стст.» / Рэд. калег.: Д. Караў, Г. Галенчанка, У. Конан [і інш.]; Гродна, 28 верасня – 1 кастрычніка 1992. – Кн. 4 (частка 1). – Гродна, 1992. – С. 45–48.
2. Уния в документах: Сборник / Сост. В.А. Теплова, З.И. Зуева. – Мн.: Лучи Софии, 1997. – 520 с.
3. Баркулабовская летопись. [Электронный ресурс] // Сайт «Изборник». Режим доступа: <http://litopys.org.ua/psr13235/lytov11.htm>.
4. Киевская летопись первой четверти XVII века. [Электронный ресурс] // Сайт «Изборник». Режим доступа: <http://litopys.org.ua/kyl/kyl.htm>.
5. Казанская история. – М.–Л., Изд-во АН СССР, 1954.
6. Шаховский, С.И. Летописная книга / С.И. Шаховский // Памятники литературы Древней Руси. Конец XVI – начало XVII веков. – М.: Худ. лит., 1987. – С. 358–427.
7. Коялович, М.О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям / М.О. Коялович. – Изд. 4-е. – Мн.: Лучи Софии, 1997. – 688 с.
8. Анталогія даўняй беларускай літаратуры: XI – першая палова XVIII стагоддзя / НАН Беларусі, Ін-т літ. імя Я. Купалы; падрыхт.: А.І. Богдан і інш.; навук. рэд. В.А. Чамярыцкі. – Мн.: Бел. навука, 2003. – 1015 с.
9. Макарий (Булгаков), митр. История Русской Церкви: В 12 т. – М., 1995. [Электронный ресурс]. Режим доступа: 1 оптический диск (CD-ROM).
10. Трещенок, Я.И. История Беларуси: В 2 ч. / Я.И. Трещенок. – Ч. 1. Досоветский период: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – 2-е изд. – Могилев: МГУ им. А.А. Кулешова, 2004. – 296 с.
11. ΣΥΝΟΨΙΣЬ или краткое собрание от различных летописцев о начале славяно-росийского народа и первоначальных князей богоспасаемого града Киева, о житии святого благоверного великого кн. Киевского и всея России, первейшего самодержца Владимира... по благословению Иннокентия Гзізеля. – К-Печ. лавра, 1680.
12. Татищев, В.Н. История российской / В.Н. Татищев. – Т. 1. – М.–Л., 1962.
13. Еврейновская летопись. [Электронный ресурс] // Сайт «Изборник». Режим доступа: <http://litopys.org.ua/psr13235/lytov27.htm>.
14. Виленская летопись. [Электронный ресурс] // Сайт «Изборник». Режим доступа: <http://litopys.org.ua/psr13235/lytov18.htm>.
15. Супрасльская летопись. [Электронный ресурс] // Сайт «Изборник». Режим доступа: <http://litopys.org.ua/psr13235/lytov16.htm>.
16. Гісторыя беларускай літаратуры XI–XIX стагоддзяў: у 2 т. / рэдкал.: У.В. Гніламёдаў, Г.В. Кісялёў [і інш.]. – Мн.: Бел. навука, 2006. – Т. 1: Даўняя літаратура XI – першая палова XVIII стагоддзя. – 910 с.
17. Летопись Рачинского. [Электронный ресурс] // Сайт «Изборник». Режим доступа: <http://litopys.org.ua/psr13235/lytov24.htm>.
18. Хроника Быховца. [Электронный ресурс] // Сайт «Изборник». Режим доступа: <http://litopys.org.ua/psr13235/lytov08.htm>.
19. Урбан, П. Старажытныя ліцьвіны: Мова, паходжаньне, этнічная прыналежнасьць / Павел Урбан. – Выд. 2-е. – Мн.: Тэхналогія, 2003. – 216 с.
20. Прадмовы і пасляслоўі паслядоўнікаў Францыска Скарыны / Уклад., уступ. арт. і камент. У.Г. Кароткага. – Мн.: Навука і тэхніка, 1991. – 309 с.
21. Катлярчук, А. Швэды ў гісторыі й культуры беларусаў / А. Катлярчук. – Вільня: Ін-т беларусістыкі, 2007. – 328 с.